

«Вы крестили, а нам отдуваться». Почему в России медведя встретить легче, чем священника

И нужны ли миссионеры тем, кто привык кормить огонь

24.09.19

Дарья Рощеня, Священник Андрей Близнюк

Готовы ли верующие отвечать на вопросы прохожих о вере и смысле жизни, почему для миссионерства недостаточно планов на год и «дорожной карты», часто ли священника путают с черной кошкой, какой вопрос лучше задать девятиклассникам и в чем упрекают миссионера собратья по служению, рассказывает священник Андрей Близнюк.

Свербит у людей весной

– Миссия: вчера и сегодня. В чем разница?

– Многое сегодня зависит от рядовых прихожан. В России медведя встретить легче, чем священника. Считаю, что миссия – задача всякого прихожанина, а не только специально обученного епархиального миссионера. Я собираю из поездок записки с вопросами и показываю на уроках школьникам и студентам. Убеждаю, что, как люди верующие, они должны быть готовы к вопросу, с которым однажды обратится к ним прохожий: «Говорят, Бог все прощает. А как понять, что Он простил?»

– Часто к вам с вопросами прохожие обращаются?

– Свербит у людей обычно весной. Для меня признаки весны: солнце, которое манит на улицу, сухой асфальт, кричащие на Яузе чайки (они с Соловков для меня признак весны) и когда прохожие пристают с вопросами. Осенью не пристают, кстати.

На днях сел в трамвай, ехал от храма в школу на урок. Выхожу, а меня парень догоняет. Такой модный, современный, лет двадцати пяти, с сигареткой в тонких пальцах. Руку в сторону отвел, чтобы дым нам не мешал, и говорит:

– Когда вы зашли в трамвай, у меня композиция звучала в наушниках... Я воспринял ее как знак, чтобы задать вам вопрос. Можно?

Почему в России медведя встретить легче, чем священника

Автор: Admin

24.09.2019 10:54 - Обновлено 30.09.2019 13:26

– Задавайте, – говорю.

– Но, чур, условие: вы должны ответить одним словом.

– Хорошо, попробую.

– Зачем мы здесь?!

Я стоял и думал. На память пришли слова митрополита Антония Сурожского о том, что смысл жизни человека – любовь.

– Мы здесь, чтобы любить: любить Бога, любить ближнего, чтобы все в нашей жизни творилось во имя любви! – ответил ему я.

Парень очень обрадовался, поблагодарил и побежал вприпрыжку. Не знаю, может, предложение кому-нибудь делать побежал.

– Мы можем в прямом эфире переживать за горящий Нотр-Дам или христиан – жертв теракта на Шри-Ланке. Границы прозрачны, информации – море. Разве в таком мире можно не знать о Христе? Неужели в России остались непросвещенные народы? Зачем миссия, она вообще актуальна?

– Хотя считаю себя миссионером, признаюсь, не знаю всего, что делается в Церкви. Недавно, листая официальные журналы, выпускаемые приходами, открыл существование миссионерских станций, дорожной карты миссионерского отдела, центров консультирования, стандартов и концепций миссионерской деятельности.

Давайте я отвечу как практик. Современная миссия не ограничивается формальными пунктами. Церковь живет и пополняется новыми прихожанами не за счет институциональных и формальных решений, а за счет неформальной общинной жизни. За счет тех, кто приходит с вопросом к священнику, диакону, свечнице или продавщице в иконной лавке.

Люди приходят в церковь не потому, что нашли в интернете сайт о православии, а потому что Господь в сердце постучал.

Откроет ли человек сердце, останется ли в храме – зависит и от того, какие люди будут сопровождать этот внутренний поиск. В этом смысле миссия актуальна. Но вы правы, она иная, чем была при святителе Николае Японском.

Праправнучка митрополита

– Как давно вы занимаетесь миссией?

– В миссионерские экспедиции по России езу с 1996 года. Чаще на север, в Архангельскую епархию. Несколько раз был на Урале, в Пермской епархии, в Якутии, на Сахалине.

– Выбираете цель, покрутив глобус?

– Первое приглашение наш факультет получил от якутского епископа Германа. Экспедицию возглавил тогда ректор ПСТГУ и настоятель храма Николая Чудотворца в Кузнецках протоиерей Владимир Воробьёв. Я тогда писал работу о святителе Иннокентии, митрополите Московском. Вместе с ним «путешествовал», по карте следил маршрут его перемещений, изучал встречи, методики, советы. У меня было много материала. Весь он лег в основу курсовой работы. Отец Владимир, наш ректор, говорит вдруг: «Поехали по местам святителя в Якутию?» Для меня предложение было не просто удачей, чудом каким-то. Понял, что могу увидеть правнуков и праправнуков тех, кого крестил святитель Иннокентий. Так миссионерские экспедиции стали порывом в моем будущем и самым важным в жизни увлечением.

Когда приехали в Якутию, оказалось, некрещеных там большинство, хотя из года в год люди давали имена детям по святцам. О, сколько Иннокентиев мы там встретили, вы даже не представляете. Это все я наблюдал на фоне тотального и многолетнего безбожия. Интерес к нашей миссии среди русских, украинцев, якутов и юкагиров был нескрываемым.

– Появилась убежденность, что надо продолжать заниматься миссией?

– Неловко так называть, но однажды случилось новое чудо.

Меня пригласили на конференцию, посвященную юбилею святителя Иннокентия. Я сидел в кабинете над докладом, в том числе цитировал письма святителя. Вдруг приходит сторож храма: «Там бабушка просит вас причастить ее».

Старушка, как оказалось, жила недалеко от храма. Откладывая доклад, прихожу к ней, вижу на стене в комнате портрет святителя Иннокентия (Вениаминова). «Надо же, – говорю, – я его знаю!» «Так это же мой прапрадед!» – отвечает она.

Бабушка оказалась Мариной Иннокентьевной Вениаминовой, праправнучкой митрополита. Мне подумалось тогда, будто святитель говорит: «Хватит, Андрей, теорией заниматься. Иди к моей любимой внучке». Я приходил к Марине Иннокентьевне и причащал ее много лет подряд.

После моего выступления в университете с тем докладом, пригласили на Камчатку. Этот круговорот увлек меня, и что-либо менять даже не думал. Спустя десять лет я во второй раз оказался на Камчатке с экспедицией, во время которой мы везли ковчег с мощами святителя Иннокентия по местам его проповеди. Ездили по школам и местным клубам, рассказывали детям и взрослым об апостоле Сибири. У всех был очень живой интерес. Людям по-настоящему было ценно и важно то, что мы говорили.

Но все же я убежден, что главная миссионерская работа совершается на приходах. Там, где есть неформальное, открытое участие прихожан. Там, где сами прихожане занимаются социальной работой, идут в хоспис, к старикам, в детские дома.

Встретить священника – все равно, что черную кошку

– Хотите сказать, священников до сих пор боятся?

– Да, у некоторых людей есть такой суеверный страх.

Недавно в метро меня за руку поймал пожилой мужчина. Я был в подряснике. «Вы к несчастью!» – говорит мне. Действительно, есть суеверие: священника встретить – это как встретить бабу с пустым ведром или черного кота. Я долго пытался осмыслить это явление, пока не понял, что суеверие тянется, скорее всего, со времен Первой мировой войны. Тогда именно священники сообщали родственникам о гибели солдат и офицеров на полях сражений. Ну и, конечно, у многих из наших соотечественников первая встреча со священником происходит на похоронах.

Помню, стоял на платформе, ждал электричку. Тоже был в подряснике. Вокруг меня кругами ходил пенсионер. Явно было: хотел задать какой-то вопрос, но не решался. Когда появились зрители – мама с ребенком – он громко заявил: «Священники и врачи живут за счет наших скорбей и смерти! Им выгодно, чтобы мы болели и умирали!»

Я стоял озадаченный, думал – ну что ему ответить. И вдруг понял, что за свою жизнь крестил несколько тысяч человек, а отпел всего шестьдесят. В нашем храме эта треба бесплатная, поэтому очевидно, что дедушка ошибался на мой счет. Всякая попытка объяснить ему что-либо успехом не увенчалась. Он со мной не согласился.

В этот же день у меня были беседы со спасателями на водных объектах. Мы проводим такие миссионерские встречи с отцом Филиппом Ильяхенко. Среди спасателей вообще почти все крещеные и верующие, атеиста в МЧС всего раз встречал.

– Часто МЧС приглашает священников к сотрудничеству?

– Привлекают часто в ситуации трагедии. Мне лично запомнилась встреча с родственниками погибших в авиакатастрофе ТУ-154 в Сочи, когда разбился самолет с ансамблем Александрова.

Встреча с людьми в горе – это самая настоящая и актуальная миссионерская работа.

В чрезвычайных ситуациях люди чаще обращаются к Богу, по словам псалмопевца: “В день скорби моей я Бога взыскал...” (Пс.76:2). Подготовленные священники должны поддерживать скорбящих в эти трудные минуты.

Спустя время некоторые из тех, с кем я познакомился тогда, приходили ко мне в храм, исповедовались, причащались. У них началась настоящая духовная жизнь с участием в таинствах.

Думаю, отделить миссионерскую работу от благотворительности и социального служения в этом смысле довольно сложно. Все это и есть форма современной миссии.

– Вы довольно широко трактуете понятие миссии, понимая ее как помощь в воцерковлении, так?

– То, чем занимаюсь, я назвал бы внутренней миссией, которая подразумевает работу и с невоцерковленными людьми, и с теми, у кого не вызрел час встречи.

Этот час случается вовсе не тогда, когда «раскрывайте ворота, миссионеры к вам пришли». Он может пробить, когда люди стоят у гроба погибшего, когда человек попадает в чрезвычайную ситуацию, а может и в учебной обстановке.

Недавно был в одной школе в Химках, куда меня пригласили прихожане. Им хотелось, чтобы одноклассники их детей познакомились со священником. Дирекция школы охотно откликнулась, я даже дважды приезжал к девятиклассникам. Дети с интересом слушали, чем я занимаюсь, как мы, православные, живем, где бываем, но и на мои

вопросы отвечали с удовольствием. Запомнился паренек, типичный отличник.

Рассказываю детям, что по дороге к ним в метро познакомился с мужчиной. Он встал в вагоне перед дверью, желая выйти, вдруг взял меня за руку и спрашивает: «Что нужно, чтобы быть счастливым?»

Я понял, что сейчас дверь закроется и человек останется без ответа, поэтому удержал его и попросил доехать со мной до следующей остановки... Этот вопрос я адресовал школьникам, мол, как бы вы ответили? Тут мой отличник, который оказался дагестанцем, говорит: «Надо просто жить с Богом!» О том, что этот живой, отзывчивый и активный парень совсем не православный, я узнал, когда речь зашла о рае. Он стал рассуждать о Джанне.

Кстати, когда мы расставались, юноша отказался фотографироваться с нами, думаю, боясь смутить своих родственников.

Встреча, на которой с детьми мы вышли на серьезные мировоззренческие вопросы, и была той самой внутренней миссией, о которой я говорю. А есть миссия внешняя. Она сегодня, действительно, явление редкое. Недавно прочитал статью о нашем миссионере из города Давао на Филиппинах, иеромонахе Корнилии (Молеве). Но это же настоящий подвиг.

А мы тут всегда огонь кормим

– Почему больше не крестите в своих экспедициях?

– Потому что в Мезенском районе, например, куда я много лет ездил, появились свои священники. Там есть кому крестить.

– Перемены в тех местах, где вы были с миссией, произошли?

– Во многих местах появились храмы, люди там участвуют в богослужениях. Дети больше не кричат вслед: «О, дядька в юбке идет», как было со мной на Пинеге в 1998 году. Понятно, телевидение, транслирующее проповеди священников, играет роль и приносит плоды. Главное изменение – у людей возникают довольно серьезные мировоззренческие вопросы. Хотя из разряда «языческих» остаются, конечно.

В Якутии, например, меня спрашивали, можно ли кормить огонь. Это было в поселке Черском на Колыме. Я проводил встречу в больнице. В фойе мы собрали большую группу пациентов. Я показывал слайды, рассказывал о Христе, и тут один, кстати говоря, русский водитель вдруг говорит: «Это у вас там в Московской области можно жить как хочешь, а у нас обязательно огонь кормить надо. Если я сломался в тундре – кормлю, иначе не выжить».

– Что вы ему ответили?

– Рассказал о проповедниках, которые пришли и просветили светом Евангелия этот регион. Рассказал о людях, которые перестали быть язычниками, перестали «кормить огонь» и выжили. Например, на Аляске по сей день 80% населения православные. Живут припеваючи. Значит, можно огонь не кормить.

Если говорить о наблюдениях, то в Архангельской области по сей день сохранилось много симпатии к советскому строю. Там живут люди, уверенные, что им сломали жизнь. Они очень тоскуют по советской жизни. Тогда-то рассказываю, как поморы жили до революции, привожу исторические свидетельства, что в этом регионе никогда не было крепостного права, напоминаю о рассказах Бориса Шергина.

У поморов же была настоящая и глубокая православная жизнь и крепкая община. Вспоминаю потрясающую историю про село – «Погорельцы». В 1898 году там случился пожар, село сгорело. Восстановить все помогли соседи и петербуржцы, выходцы из поморов. Уклад жизни поморов располагал к раскрытию христианских добродетелей в людях.

Приехали, покрестили, а отдуваться нам

– Ваши поездки на Север – в большей степени внутренняя миссия?

– По сути, да. Цель – пробудить на наших встречах в клубах и школах тех, кто называет себя православными и верующими. Стараюсь брать с собой молодых, ярких, современных студентов. Ради общения и знакомства с ними на наши встречи приходит молодежь.

Но не думайте, что все так радужно. За мою деятельность меня упрекают иногда даже священники. Вот один мне недавно сказал по телефону: «Отец Андрей, вам не кажется, что вы мечете бисер перед свиньями?» – «Отчего же?» – спрашиваю. – «Вы к нам приезжали, а ведь никто ко мне в храм не приходит из тех, с кем вы беседу проводили».

Меня его слова очень огорчили. Ведь это как пахарю ждать, что зерно бросил, а назавтра оно взшло. Очевидно же, миссия – длительная работа, которая по определению не может дать быстрых плодов. По щелчку человека к храму не повернуть. Как миссионер я могу привести молодых интересных студентов, могу поделиться собственным опытом, но ничто из этого не заставит людей классами, производственными отделами и целыми деревнями ходить на литургии и массово причащаться.

В другой раз один батюшка говорит: «Вот вы приехали, всех покрестили. А отдуваться теперь нашим священникам, а у них и так работы невпроворот». «Да, крестили, – отвечаю ему. – Сумели собрать людей, и теперь они вас ждут. Некоторые, правда, умерли уже из тех, кого мы покрестили, потому что старенькие были. То, что мы сделали, разве плохо?»

Увы, даже среди священников немногие понимают, что миссия – суть любого общения. Общение священника и прихожан с внешними людьми – тоже миссия. Общение должно быть неформальным и теплым.

Новый человек в храме, зашедший, потому что у него горе или потому что на улице дождь льет, не должен столкнуться с агрессией, услышать замечание или одергивание.

Любовь должна быть искренней.

– Думаете, бывает так просто?

– В свое время у меня случилась такая встреча. Я был офицером, служил в армии, только начал воцерковляться. Первые мои требы и обращения к Богу сводились к одному: чтобы министр обороны подписал рапорт о моем увольнении. Я стал ходить с этими своими молитвами в храм Ильи Обыденного.

В то время не увольняли офицера, если не прослужил двадцать пять лет. Уважительных причин для увольнения было немного: дискредитация офицерского звания или пенсионный возраст. На тот момент я прослужил всего восемь лет. Шел 1987 год. В храмах тогда было много бабушек, да что там, одни сплошные бабушки. И вот одна из них заметила мою скованность. Увидела, что стою у входа, крепко прижавшись к стене. Я по-настоящему боялся сделать что-нибудь не так, не той рукой передать свечу, боялся шиканья...

Она подошла ко мне и говорит: «Молодой человек, могли бы вы помочь перенести мне аналой?» В ту секунду я выдохнул. Она не только привлекла меня к помощи, но стала моей знакомой, человеком, которого я мог и не боялся спросить. Помню, подвела меня к иконе «Всех скорбящих радость» и показала медный образок с вмятиной. «Этот образок офицер от матери получил, когда в 1812 году на войну отправился, – сказала она. – На сердце берег. Вот он жизнь ему и спас. Осколок точно в образок попал». Для меня эта встреча была сверхважной, ведь я был офицером, вообще через историю к вере приходил.

А та удивительная бабушка – княжна Ксения Петровна Трубецкая – стала для меня не только миссионером, в каком-то смысле она стала образом идеального миссионера. Добрая, умная, знающая и живущая по вере. Именно такой человек должен встречать нас на пороге храма. Такой, который не осудит, не сделает замечания, кому можно задать вопрос, пусть даже не выпуская сигарету из тонких пальцев.

Ведь кто знает, когда у молодого человека в следующий раз музыка в ушах заиграет, которая ему покажется знаком?!

Убежден, все мы должны воспринимать миссию как личное поручение от Господа быть свидетелем Ему. Быть «свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли» (Деяния 1:8).

<https://www.pravmir.ru>